

После того как Вэй Цзиньань нанёс сокрушительное поражение варварам Ху и с триумфом вернулся в столицу, его официально провозгласили генералом Чжэньюань. Получение столь высокого чина третьего ранга заставило всех его боевых товарищей и названных братьев исходить жгучей завистью.

Вэй Цзиньань отличался редким благородством и щедростью: помимо обширных земельных наделов, Её Величество пожаловала ему немало звонкого серебра, и все эти деньги он до последнего таэля спустил на то, чтобы досыта напоить и накормить мясом своих верных друзей.

После нескольких дней бурного и безудержного веселья генерал Чжансунь У разыскал его в крошечном, уединённом трактире на самой окраине Жунина. Едва переступив порог, он громогласно затянул поздравления:

- О, великая радость, великое счастье снизошло на твою голову, почтенный брат Цзылянь!

Вэй Цзиньань протянул ему кувшин с хмельным:

- Будет тебе, Чжаньин, прекрати потешаться над братом. Твой покорный слуга несколько раз гонялся за этим паршивым чунцзиньским вождём по степи, да всякий раз упускал его из виду. Истинный позор и стыд. Давай, забудь об этом, пей, пей же!

Чжансунь У перехватил кувшин, бесцеремонно втиснулся на скамью прямо подле него и с лукавой, вкрадчивой улыбкой прошептал:

- Да кто вообще заговаривал о походах? Похоже, наш дорогой Цзылянь до сих пор пребывает в полном неведении.

- Хм? - Вэй Цзиньань к тому моменту успел в одиночку осушить добрый цзинь крепкого вина. Лицо его налилось багровым румянцем, тело исходило жарким потом, а в зрачках при взгляде на Чжансунь У всё двоилось и расплывалось. - И о каких же таких вещах изволит рассказывать Чжансунь У?..

Чжаньсунь У придвинулся к Вэй Цзиньаню ещё ближе, явственно улавливая исходящий от него приятный, пьянящий аромат зрелой мужской силы, и ласково рассмеялся:

- Неужто Цзылянь и впрямь не знает? Тебе со дня на день предстоит войти в императорский гарем и официально принять титул высокопоставленного наложника в ранге Гуйфэй.

Вэй Цзиньань решил, что рассудок сыграл с ним злую шутку из-за хмеля или Чжансунь У просто вздумал зло и цинично над ним подшутить. Однако, поразмыслив ещё секунду, он похолодел, ведь нынешний Сын Неба на престоле женщина... Скажи ему такое кто-то посторонний, он бы лишь посмеялся в ответ, но Чжансунь У издавна славился безупречной

осведомлённостью во всех придворных делах Запретного города. Этот человек никогда не стал бы разносить пустые слухи и сплетни только ради потехи, а значит, он явился сюда, уже имея на руках неопровержимые потайные вести, чтобы всласть позлорадствовать над товарищем.

Вэй Цзинъань мёртвой хваткой вцепился в его плечо:

– Брат... Брат Чжаньин, умоляю, не надо так жестоко издеваться над старшим. Какой, к чёрту, благородной наложник-Гуйфэй! Ха-ха-ха-ха... – договорив, он сам закинул голову назад, заливаясь безумным смехом, однако никто из сидевших за столом собутыльников его веселья не разделил. Все они в гробовом безмолвии, с сочувствием, уставились на него.

Чжаньсунь У неторопливо отпил вина, и лукавая улыбка на его лице расцвела ещё ярче:

– Перестань ржать. Ступай лучше в родное поместье и спроси обо всём Вэй Луня. Вот и сам убедишься.

И тут до Вэй Цзинъаня окончательно дошло, что это чистая, неопровержимая правда.

Бросив на стол недопитый кувшин и напроочь позабыв о своих верных собутыльниках, Вэй Цзинъань вихрем примчался в родительский дом. Едва переступив порог, он обнаружил, что абсолютно вся его семья в полном сборе застыла посреди двора. Глава ведомства Вэй Лунь медленно обернулся к сыну, в ладонях старик бережно сжимал развёрнутый императорский свиток с шёлковыми завязками, а всё лицо патриарха было подёрнуто печатью беспросветного, глубокого беспокойства.

О, великие боги, матушка моя родная...

Вэй Цзинъань без сил со всего маху рухнул задом прямо в придорожную грязь.

Ещё в момент переворота он не раз размышлял о том, что после официального восхождения женщины-императора на престол весь устоявшийся уклад Поднебесной претерпит колоссальные изменения, и он искренне считал за великую удачу возможность своими глазами лицезреть этот крутой слом эпох. Вот только он и в самых страшных снах не мог вообразить, что колесо истории повернётся к нему именно этим боком...

Если рассуждать здраво, в действиях Ли Яньи не было абсолютно никакого изъяна. В те века, когда на престоле восседали мужчины, абсолютно все барышни Поднебесной по закону принадлежали лишь Сыну Неба. И теперь, когда верховным Сыном Неба стала женщина, её священное право самолично отбирать лучших мужей для своего ложа ощущалось делом вполне логичным и справедливым. Вэй Цзинъань умом всё это прекрасно понимал, но... почему, во имя всех святых, выбор её пал именно на него?! Молодой генерал никак не мог вместить в свой разум, каким образом он, прожжённый, огромный и свирепый мужик-воин должен был умудриться соответствовать этому нежному женскому титулу «благородной наложницы»?

Среди бесконечной министерской суеты Ли Яньи то и дело доносились вести от дворцовых евнухов о том, что Вдовствующая Императрица Гэн лично и со всем усердием хлопочет над обустройством императорского гарема. Приказы о поиске прекрасных юношей уже разлетелись по всем провинциям и уездам империи, а масштабный смотр женихов был твёрдо назначен на весну следующего года - официальное начало новой эры Чжаоу.

Ли Яньи лишь горько усмехнулась, качая сферическим венцом:

- Пускай матушка тешится, если ей это в радость. Нам негоже растрачивать Нашу энергию на подобные пустяки. Кстати говоря, как там А-Синь? Она уже покинула пределы Жунина?

Слуга-евнух почтительно склонил голову:

- Докладываю Вашему Величеству. Ваш покорный слуга едва язык до мозолей не стёр, бегая по пятам за барышней Се и умоляя её остаться во дворце. Однако помыслы её были непреклонны, и удержать её нам не удалось. Вашему слуге оставалось лишь тайно приставить к ней верных ищеек. Любые перемещения барышни Се будут незамедлительно и в ту же секунду докладываться прямо к вашему изголовью.

Ли Яньи согласно кивнула.

- Дозорные говорят, будто к барышне Се примкнула некая девица по имени А-Вэнь. Она долгие дни покорно караулила её у застав Жунина. И стоило барышне Се переступить порог Запретного города, как эти две особы тут же сошлись на тракте и вместе покинули столицу, устремившись напрямиком на дальний север.

- А-Вэнь? Это ещё кто? - кисть Ли Яньи с ярко-алой киноварью на долю секунды замерла над свитком, однако узурпаторша Поднебесной быстро вернула ледяное самообладание и как бы невзначай, продолжая выводить резолюции, обронила вопрос.

- Ваш слуга прекрасно знал, что это имя зацепит разум Вашего Величества, а потому ещё до входа в Ваш кабинет разузнал всю её подноготную! Эта А-Вэнь родом из уезда Цзе, что подле Мэнляна. Они сошлись с барышней Се в пору той грандиозной северной бойни, и девка эта числилась в рядах её личного женского отряда. Родители А-Вэнь давно сгинули от мечей кочевников, и она осталась круглой сиротой. Барышню Се она почитает едва ли не за божество, выказывая ей слепое обожание, и следует за ней неотступным шлейфом, куда бы ту ни несла судьба!

Пронзительный, писклявый голосок евнуха и его умышленно двусмысленные, ядовитые интонации заставили Ли Яньи вновь почувствовать тяжёлый приступ тошноты и омерзения, начисто перечеркнув едва вернувшийся аппетит.

- Ступай вон, - леденящим тоном оборвала его Ли Яньи.

- Ваше Величество?.. Позвольте Вашему преданному рабу остаться подле Вашего ложа этой ночью и усердно послужить Вашему Величеству. Ваш слуга... обучен великому множеству самых изысканных утех и потайных умений.

Ли Яньи подняла глаза и обнаружила, что евнух, жеманясь и кокетливо извиваясь всем телом, застыл прямо у масляной лампы, а его подведённые сурьмой глаза масляно блестели, источая приторную похоть.

Перед тем как навсегда покинуть Жуниин, А-Синь направилась в застенки императорской тюрьмы. Предъявив стражам священную яшмовую пластину-пропуск, которую ей тайно даровала сама Ли Яньи, она без единого препятствия спустилась в глухие подвалы допросов с целью воочию увидеть закованного в кандалы Се Фучэня.

Чтобы не навлекать на престол Ли Яньи лишних подозрений со стороны министерств, А-Синь набросила на голову глубокую шляпу с густой чёрной вуалью, а лицо скрыла под плотной маской. Тюремные надзиратели хищно и с великим любопытством сканировали её фигуру взглядами, отчаянно пытаясь разгадать личность ночного гостя, однако проявлять излишнюю дерзость не решались. Перед ними стоял человек, лично уполномоченный самим Сыном Неба.

Ступая к камере, А-Синь подсознательно приготовилась увидеть отца сломленным, подвергнутым жестоким пыткам и балансирующим на грани жизни и смерти. Однако, к её немалому изумлению, Се Фучэнь, несмотря на тяжёлые ранения и бурые пятна крови на латах, умудрился безупречно, волосок к волоску причесать свои длинные седые волосы. За исключением въевшихся в доспехи следов былой битвы, на его теле не было ни единой крупинцы тюремной грязи.

А-Синь прекрасно знала, что её отец до самой глубины костей оставался человеком неописуемо гордым, и даже пережив тотальный крах своих имперских амбиций и оказавшись погребённым в глухих кандалах, он ни за что не позволил бы своему существу опуститься до жалкой немощи.

- Отец твёрдо знал, что ты не погибнешь в этой бойне. Ли Яньи ни за что не позволила бы твоей жизни угаснуть, да и сам твой родитель всем сердцем уповал, что ты уцелеешь, - получив баснословную взятку золотом, надзиратель поспешно удалился в коридор, оставив отца и дочь наедине. Се Фучэнь замер посреди крошечного каменного каземата, и его глубокий, размеренный голос звучал точно так же, как и в былые благословенные годы прошлого, когда он в девичьих покоях читал маленькой А-Синь священные конфуцианские каноны. - Тогда, у порогов дворца Хуайчэнь, отец обошёлся с тобой излишне жестоко, умышленно сыграв на твоих чувствах, и в том была моя родительская вина перед тобой. Однако как великий Сыма и как верный слуга покойного Хуай-ди, я, Се Фучэнь, не совершил ни единого греха перед своей совестью. Сегодня я проиграл в этой партии и безропотно принимаю свой удел. Победитель становится королём, проигравший отправляется на плаху, а спустя восемнадцать лет колесо нашей судьбы сделает новый оборот, и всё начнётся сначала. А-Синь, я не рассчитываю, что сегодня твой разум сумеет до конца постичь мотивы твоего отца. Но как твой родитель я молю лишь об одном: сбереги свою жизнь, беги вон из этого Жунина и никогда больше не приближайся к грязным застенкам борьбы за центральную власть.

А-Синь пристально всматривалась в его бледный лик, интуитивно чувствуя, что какая-то важнейшая, страшная мысль так и осталась невысказанной, застыв на его губах:

– Отец... Я до мельчайших крупиц помню те слова, что вы со смехом обронили в то время штурма на крыльце. Вы ведь открыто сказали, будто... будто у меня есть родная младшая сестра.

Се Фучэнь глубоко, пронзительно посмотрел ей в глаза, после чего медленно развернулся корпусом и молча уставился на глухую кирпичную стену камеры, напрочь замкнув рот.

– В своё время вы сочетались браком с матушкой исключительно по воле и велению ваших родителей. Когда мне исполнилось десять лет, матушка тяжело заболела и покинула этот мир. С тех самых пор все тётушки в нашем доме разрешались от бремени исключительно мальчиками, так откуда же у меня могла объявиться младшая сестра?

Се Фучэнь глухо отозвался:

– Это было лишь моё мимолётное слово, сорвавшееся с языка.

– Нет, вы сказали это вовсе не случайно.

– А-Синь, твоя жизненная дорога ещё неописуемо длинна. Истина о том, что близость к императору подобна близости к свирепому тигру, тебе прекрасно известна. Впрочем, свой дальнейший путь ты вольна выбирать сама. Твой отец в этой битве оказался проигравшим, и у меня нет никаких законных прав читать тебе нотации. Я лишь страстно желаю предостеречь тебя, – Се Фучэнь медленно обернулся к ней, и в его зрачках вспыхнула кристальная, абсолютная уверенность:

– Берегись Вэй Тинсюй. Будь настороже с этим человеком.

– Вэй Тинсюй?

– Да. Степень коварства и свирепости этого существа, пожалуй, находится далеко за гранью воображения. Сколько ей исполнилось в этом году?

– Говорят, двадцать один.

– Подумать только... ей едва стукнуло двадцать один, а в её руках уже сосредоточены столь грандиозные и пугающие методы манипуляций. А ведь в тот заветный час, когда она только-только соткала свой первый дьявольский капкан, она была не более чем желторотым младенцем.

Всякий раз, когда Се Фучэнь мысленно возвращался к истокам этой интриги, сердце его содрогалось от первобытного ужаса.

- Значит, вся эта история с моей потайной сестрой напрямую связана с Вэй Тинсюй?

Се Фучэнь на протяжении долгого времени оставался неподвижным, погрузившись в глубокие, безмолвные раздумья. А-Синь интуитивно чувствовала, что её отец столкнулся с неразрешимой, страшной дилеммой, и эта тайна тяготила его разум сильнее любого иного секрета прошлого.

Лишь спустя ещё несколько томительных минут он наконец плавно ответил:

- Мой земной удел подошёл к концу, и очень скоро вся наша столичная семья Се бесследно исчезнет с лица земли. И на всём этом подлунном свете у тебя останется лишь одна единственная родная душа... А-Лай.

- А-Лай? Кто такая А-Лай? - А-Синь нахмурилась под вуалью.

- А-Лай - это Чжэнь Вэньцзюнь. Она твоя единокровная младшая сестра, рождённая от меня другой женщиной.

- Она?! - в памяти А-Синь мгновенно всплыли черты лица и повадки Чжэнь Вэньцзюнь. Не укажи ей отец на этот потайной узел, она бы в жизни не заметила в облике подружки ничего примечательного, однако стоило Се Фучэню произнести это вслух, как пазл сложился: действительно, в изгибе бровей и разрезе глаз Чжэнь Вэньцзюнь безошибочно угадывались фамильные черты благородного дома Се.

- Да как такое возможно... - А-Синь и в самых дерзких мыслях не могла вообразить подобного исхода. - Кем была её родная матушка? И если её священное имя А-Лай, то по какому праву она переродилась под личиной Чжэнь Вэньцзюнь?

- Тебе незачем знать эти грязные тайны прошлого, и уж тем более тебе строго-настрого запрещено открывать эту истину самой А-Лай, - Се Фучэнь наотрез отказался пускаться в долгие откровения. - Абсолютно каждый, кто знал этот потайной секрет: та женщина, великий генерал Вэй Цзинсю и сам покойный император - все они один за другим покинули этот мир. И я тоже стою на пороге могилы. Это знание отмечено печатью проклятия и злого рока, ему нельзя продолжать существовать под этим небом. Позволь же твоему отцу унести эту тайну с собой в застенки подземного царства мёртвых, чтобы она исчезла навечно. А-Синь, я открыл тебе это лишь с одной целью: чтобы ты приложила все силы и сберегла А-Лай от беды. На этой бесконечной земле вы единственные оставшиеся сёстры.

Се Фучэнь понятия не имел, удалось ли его племяннице А-Сюнь уцелеть в ночной бойне и вырваться из города вместе с Хан Ле. Однако для его стратегического разума А-Сюнь принадлежала к побочной ветви рода из Суйчуаня, и вписать её в священное ядро семьи он не

мог, ведь подлинной сестрой и единственной кровной опорой для А-Синь оставалась лишь А-Лай.

– Вы наотрез отказываетесь открыть мне всю правду этой драмы, но при этом требуете, чтобы я щитом встала на её защиту... подобные речи звучат до крайности нелепо и абсурдно, – покачала головой А-Синь. – К тому же прямо сейчас она неотлучно находится подле Вэй Тинсуй, и их тайные узы неописуемо крепки. Я без понятия, через какие именно испытания они прошли в прошлом, однако Чжэнь Вэньцзюнь по праву считается спасительницей жизни молодой госпожи Вэй и, более того, успела покрыть своё имя бессмертной славой триумфатора на северных заставах. Случись с ней хоть малая беда, Вэй Тинсуй перевернёт всё, но сбережёт её покой. И если рассуждать в ключе ваших же слов о том, насколько Вэй Тинсуй расчётлива и хватка, Чжэнь Вэньцзюнь под её крылом обречена купаться в баснословной роскоши и почёте, и какая живая душа в министерствах дерзнёт сорвать с её головы хотя бы волосок?

– А-Синь, ты обладаешь редкой, чистой и праведной душой. На полях сражений, ведя отряды в лобовые атаки, ты являешь собой беспрецедентного, гениального воина, но вот когда дело доходит до изощрённого глумления над человеческим разумом и плетения интриг ты уступаешь Вэй Тинсуй на добрый десяток ли. Ли Яньи по самой своей природе напрочь лишена качеств истинного, леденящего имперского владыки. Её существо излишне подвластно вспышкам бурных эмоций, а количество её ментальных уязвимостей столь огромно, что манипулировать её решениями – это пустяковое дело. И Вэй Тинсуй остановила свой выбор на поддержке её кандидатуры вовсе не из-за того, что Ли Яньи рождена женщиной. Главной причиной для неё стал именно этот психологический надлом принцессы. Советница Вэй ещё много лет назад насквозь видела её натуру, она кругом уверена в собственной способности полностью подчинить себе рассудок Ли Яньи. Вэй Тинсуй умышленно выставила её живым знаменем в качестве первой в истории женщины-императора, чтобы Ли Яньи смиренно принимала на свою голову все грязные проклятия чиновников, бунты недовольных простолюдинов и карательные набеги кочевников. И в тот заветный час, когда Ли Яньи ценой невероятных мук преодолит все тернии, усмирит хаос, реанимирует экономику и собственной кровью полностью перепишет вековое предубеждение Поднебесной против женщин, то скрывавшаяся до того момента в глубокой тени Вэй Тинсуй внезапно выйдет на свет. Одним молниеносным росчерком она сбросит обессиленную Ли Яньи с престола и узурпирует драконий трон Поднебесной! А-Синь, то, что Ли Яньи до сих пор остаётся абсолютно слепа перед истинным оскалом своей советницы, лишь лишний раз доказывает ничтожность её интеллекта и убогость стратегического зрения. Ей ни под каким видом не дано тягаться с гением Вэй Тинсуй, которая способна была безмолвно сидеть в засаде целых десять лет ради одного единственного сокрушительного прыжка тигра. Стоит Вэй Тинсуй поднять мечи и объявить вооружённый мятеж, и Ли Яньи будет стёрта в порошок за считанные минуты.

От этих слов Се Фучэня по спине А-Синь пробежал леденящий мороз:

– Но ведь... Вэй Тинсуй кажется безгранично, слепо преданной Ли Яньи, с какой стати ей... – этот аргумент прозвучал настолько блёкло и неубедительно, что А-Синь сама устыдилась своей наивности. Ли Яньи открыто вознамерилась в грядущем первом году эры Чжаоу массово ввести во дворец женщин-чиновников, и кто, кроме Вэй Тинсуй, мог возглавить это движение? Стоило советнице официально войти в состав министерств центрального аппарата, и её стремительный, головокружительный взлёт к вершинам власти стал бы делом предreshённым.

Если всё это грандиозное восхождение престола с самого начала было лишь частью дьявольского капкана Вэй Тинсуй, то это существо пугало до глубины души.

А-Синь на секунду задумалась и горько, едва заметно улыбнулась:

– Да даже если этот день когда-нибудь и настанет, можно будет лишь признать, что Вэй Тинсуй сполна получила то, ради чего сожгла свою жизнь. А вот почему она превратилась в столь свирепое, леденящее чудовище... вам, отец, должно быть известно лучше, чем кому бы то ни было на этом свете.

Се Фучэнь понял, на какое именно страшное преступление прошлого намекает его дочь.

– Я ни в чём не раскаиваюсь, – он надолго погрузился в глухие раздумья, после чего жёстко отчеканил:

– Я ни о чём не жалею, ни капли раскаяния нет в моей душе. Повернись колесо нашей судьбы вспять, и начнись всё сначала, я без секундных колебаний повторил бы свой прежний выбор.

– Это доказывает лишь то, насколько леденящая и звериная у вас натура.

– Быть может, и так. Вот только кто в нашем подлунном мире властен над своей судьбой, и кого жестокие обстоятельства не прижимали к ногтю? А подлинную, глубинную правду о завязке того дела, пожалуй, отныне уже никто и никогда не узнает во вселенной... Ха-ха-ха... – он глухо рассмеялся, и посреди этого безумного хохота из его глаз безвольно покатились одинокая скупая слеза.

– А-Синь. Твой отец уходит первым.

Покидая мрачные стены императорской тюрьмы, А-Синь ощущала в своей душе гнетущую, беспросветную тоску.

Если все подозрения отца были кристальной правдой, то Ли Яньи, сама того не ведая, взрастила подле своего ложа свирепую ядовитую змею, точь-в-точь как А-Синь предрекала в юности. Вот только явись она к императрице с этими предостережениями прямо сейчас, её слова со стопроцентной точностью сочтут лишь за гнусную попытку посеять раздор и очернить семью Вэй. Не имея на руках веских, неопровержимых материальных улик, открывать рот было безумием, Ли Яньи её просто не услышит.

Она стояла на пороге своего окончательного ухода из Жунина. Пожалуй, ей следовало предпринять хоть какие-то отчаянные шаги, чтобы вымолить пощаду и спасти от плахи жизни женщин и детей своего несчастного рода. Однако сейчас перед её глазами претворялся в реальность тот самый финал, о неизбежности которого она знала ещё много лет назад. Она кристально чётко понимала, что как бы горячо и безумно Ли Яньи ни любила её, пойти на

такое святотатство и помиловать заговорщиков узурпаторша Поднебесной не сможет ни под каким видом. То, что принцесса пожертвовала многим, но вырвала саму А-Синь из лап палачей, сохранив ей жизнь, уже было высшим проявлением её великодушия и любви.

Единственным праведным тактическим ходом для неё оставалось лишь бегство.

Короткие, благословенные дни золотой осени пролетели в один миг, уступая место первым морозным ветрам, и в поместье Вэй воцарилась зловещая, мёртвая тишина.

Второй молодой господин, Вэй Цзиньань, дезертировал и сбежал вон из Жунина! Он оставил после себя лишь паническое послание, выведенное кровью на шёлке, где сбивчиво писал: «Ваш непутёвый сын выказывает высшее сыновнее непочтение, но ваш сын физически не способен примерить на себя статус “благородной наложницы-Гуйфэй” и войти в гарем!». После чего растворился в ночи. Перепуганный патриарх Вэй Лунь экстренно мобилизовал всех остальных сыновей и лучших солдат, велел им прочесать пригородные леса и уезды вдоль и поперёк. Приказ был жёстким: изловить беглеца, вернуть в Жунин и любой ценой удержать от дальнейших безумных глупостей, пока дела ещё можно уладить миром. Матушка Вэй Тинсуй, чьё сердце разрывалось от страха за сына, не выдержала и лично отправилась вместе с поисковыми отрядами, а сам Вэй Лунь круглыми сутками безвылазно торчал в министерских чертогах Запретного города, ежесекундно ожидая высочайших приказов и капризов Её Величества.

И благодаря этой курьёзной суматохе Вэй Тинсуй наконец-то обрела долгожданный, кристальный покой в своих покоях.

Никто в Жуине не знал, сколько ещё времени продлится этот фарс с мужским гаремом. Вэй Тинсуй прекрасно осознавала, что за ниточки этой интриги мёртвой хваткой держится сама Вдовствующая Императрица Гэн, а уж такого выдающегося и овейанного славой воина, как Вэй Цзиньань, старуха ни за что не упустит из своего капкана. В день праздника Середины осени под сводами поместья Вэй почти не осталось живых душ. Вэй Тинсуй в полном одиночестве, медленно передвигаясь на ногах, принялась лично приводить в порядок свой внутренний дворик. Она бережно срезала остатки увядающих кустов роз «Пайхуай», отобрала несколько самых целых, безупречных бутонов, туго связала их вместе пеньковой бечёвкой и подвесила сушиться в своей спальне головками вниз, терпеливо ожидая, когда они превратятся в изящные сухоцветы, способные храниться веками.

В тот памятный день, когда Чжэнь Вэньцзюнь только-только вернулась с северного фронта под конвоем конницы, Жунин то тонул в потоках проливного ливня, то застыл под первыми заморозками осени. Яростные шторма начисто побили и искромсали даже те редкие декоративные цветы, за которыми слуги ухаживали с величайшим рвением. Встречая Чжэнь Вэньцзюнь у ворот поместья и созерцая этот погром в саду, усыпанном гнилыми лепестками, Вэй Тинсуй мысленно сопоставила эту картину с безвременной кончиной Линби, и горло её так сильно сжало от жгучей боли, что она едва не разрыдалась прямо перед служанками.

Выплакавшая все свои слёзы и ослепшая от горя Чжэнь Вэньцзюнь то ли окончательно выбилась из сил от нечеловеческой скорби, то ли эта трагедия заставила её разум в один миг повзрослеть на десять лет, но едва опустив тело Линби на траурное ложе, без лишних слов взялась за работу. Она самолично принялась вычищать завалы во внутреннем дворе, начисто выметая гнилую листву, безжалостно обрезаая повреждённые, мёртвые ветви роз и оставляя лишь те побеги, в которых ещё теплилась искра жизни. На следующий день, когда Вэй Тинсюй вернулась из Запретного города после торжественного завершения коронационных обрядов и принесла Чжэнь Вэньцзюнь слова искреннего сострадания, они вдвоём направились к плотникам ради выбора погребального гроба. Проходя мимо клумб, советница Вэй внезапно заметила, что кусты роз «Пайхуай» кто-то ювелирно и бережно подвязал. Работа была выполнена с лёгкой небрежностью, ни капли не напоминая безупречный, педантичный стиль Сяохуа, и Вэй Тинсюй без труда догадалась, чьи именно пальцы копались в холодной земле. Это был её шедевр, сотворённый руками Вэньцзюнь.

– Я все эти дни и ночи только и мечтала о том, как вернусь и вновь увижу их, – Чжэнь Вэньцзюнь с глубокой тоской и меланхолией взирала на побитые бурей остатки цветов. – Столько раз, балансируя на тонкой грани между жизнью и вечной смертью, я находила в себе силы цепляться за жизнь исключительно благодаря этой вере. И вот я вернулась живой, прорвавшись сквозь огонь, а они... они превратились в это убогое пепелище.

Вэй Тинсюй прекрасно понимала, что чёрная скорбь в душе девушки ещё очень долго не рассеется сама собой. Чжэнь Вэньцзюнь напрочь лишилась сна и аппетита. Терзаемая мыслями об усопшей подруге, она таяла на глазах и всего за несколько дней изрядно похудела. Видя её истощение, Вэй Тинсюй и сама исходила жгучей внутренней болью, а потому то и дело, как бы невзначай, пыталась всячески развеять её тоску и вернуть улыбку на её лицо.

Она извлекла крошечную, ювелирно обточенную хрустальную пластинку и аккуратно вставила её внутрь сложного механизма шкатулки «Баоло Ваньсян». Стоило детали встать на своё место, как внутри этого дивного артефакта развернулось фантастическое, завораживающее зрелище: в очертаниях звёздных плеяд Млечного Пути внезапно сооткнулись несколько разноцветных, полупрозрачных, призрачных «облаков» космической туманности.

Чжэнь Вэньцзюнь застыла, затаив дыхание и не в силах оторвать взор от этой красоты, а Вэй Тинсюй ласково спросила, по нраву ли ей обновка.

– Невероятно, неописуемо нравится!

– Раз так, в будущем я стану частенько менять для тебя эти потайные пластинки-сердцевины.

С наступлением осени вся лесная дичь в окрестностях Жунина успела нагулять жир, превратившись в упитанные пушистые комочки, мясо их налилось соком, а мех стал плотным и густым. На дворе стояла самая благословенная пора для охотничьих забав.

Вэй Тинсюй внезапно изъявила страстное желание оседлать коня и отправиться на осеннюю охоту.

- Сестрица, ты это серьёзно? - хотя советница пребывала в редком приподнятом расположении духа, Чжэнь Вэньцзюнь эта затея пришлась совсем не по душе. - Буквально позавчера, только ты походила пешком чуть дольше часа, у тебя снова до дикой судороги разболелись ноги, забыла? Едва-едва ведь дела пошли на лад, и сегодня ты уже мечтаешь о кавалерийских аллюрах? Умоляю, сестрица, не пугай меня так.

Вэй Тинсуй непреклонно отрезала:

- Если человек всю свою жизнь станет браться исключительно за те дела, что даются ему без малейшего труда, то в чём же тогда вкус и упоение жизни? Только непрерывно заставляя себя и идя напролом сквозь барьеры, можно доподлинно выяснить, где именно пролегают границы твоих возможностей. Кто знает, быть может, моё существо уже способно бегать по полной.

Чжэнь Вэньцзюнь поспешно замахала руками, прерывая её речи:

- Да ну, сестрица, точно говорю, выбрось ты из головы этот бег! Ладно, если тебе так приспичило оседлать скакуна, то пускай будет лошадь. Договорились, мы едем на охоту!

Стоило Чжэнь Вэньцзюнь озвучить своё согласие, как в глубине глаз Вэй Тинсуй вспыхнули яркие, живые лучи:

- И ты говоришь это от чистого сердца?

- Да. Вот только у меня будет одно непреклонное условие: мы поедem на одном коне, и управлять им буду исключительно я сама. Никакой самостоятельной езды в седле. Если согласишься принять это правило, то мы немедленно отправляемся в лесные уголья, а если нет, и разговора не будет, осенняя охота отменяется.

- Ты станешь управлять конём вместо меня? Но если скорость бега и направление манёвров будут целиком и полностью сосредоточены в твоих руках, то какая, во имя всех святых, разница между такой поездкой и обычным сидением внутри душной повозки?

- Ну, если сестрице такое положение дел не нравится, то воля твоя. Мне и самой, по правде говоря, лень тащиться в леса, так что забудем про эту затею, - Чжэнь Вэньцзюнь картинно развернулась корпусом, делая вид, будто уходит по делам, но Вэй Тинсуй мигom ухватилась за её подол, увлекая обратно.

- Ладно, пускай будет по-твоему, - со вздохом уступила советница. - Вот только стрелять из лука на скаку я стану собственными руками.

Чжэнь Вэньцзюнь звонко, весело расхохоталась:

- Хорошо, хорошо! Если ты согласна уступить мне поводья, то пускай Ваше Сиятельство

стреляет сколько душевненьке угодно, я и слова не скажу!

- Почему ты смеёшься? Неужто ты смотришь на меня свысока и сомневаешься в моих талантах?

- Ни под каким видом, сестрица! Да как бы я вообще дерзнула усомниться в твоём гении? Прямо сегодня вечером я лично отберу и подготовлю для тебя целую сотню лучших, безусловно сбалансированных стрел, чтобы завтра на полигоне сестрица смогла всласть потешить своё сердце и расстрелять их до единой!

Вэй Тинсюй, изрядно задетая этим её добродушным подтруниванием, втайне затаила обиду и твёрдо вознамерилась на завтрашней охоте явить миру всё своё запредельное стрелковое мастерство. Чжэнь Вэньцзюнь же отнеслась к делу со всей строгостью, она действительно лично снарядила для неё колчаны, а на спине их верного боевого коня по кличке Сяосюэ заменила старое походное седло на совершенно новое, куда более мягкое, широкое и просторное, чтобы хрупкое тело Вэй Тинсюй удерживало безупречный баланс и не испытывало ни малейшей тряски на ухабах.

- Ты завтра и впрямь вознамерилась везти молодую госпожу на охоту? - внезапно раздался голос Сяохуа. Она вошла на конюшню как раз в тот миг, когда Чжэнь Вэньцзюнь бережно перестилала седло Сяосюэ.

Чжэнь Вэньцзюнь обернулась и на долю секунды едва не лишилась дара речи. Облик Сяохуа непрерывно претерпевал скрытые изменения. По сравнению с тем, как она выглядела прежде, сейчас у неё словно опять появилось совершенно новое, чужое лицо.

- Ты беспокоишься? - Чжэнь Вэньцзюнь отложила походные щётки в сторону. - Если так сильно изводишь себя тревогой, отправляйся в лесные уголья вместе с нами.

- Разумеется, я поеду вместе с вами, - прямо и без лишних слов отрезала Сяохуа.

Она по-прежнему держалась излишне властно и жёстко, однако Чжэнь Вэньцзюнь, вопреки своему прежнему обыкновению, не стала вступать с ней в лобовые препирательства. К немалому удивлению телохранительницы, она проявила редкое благодушие и спокойно принялась объяснять:

- По правде говоря, я и сама была против этой затеи, да только сестрица так отчаянно настаивала на своём, что мне очень не хотелось портить ей настроение. Она столько месяцев провела запертой внутри этого душного кресла, и теперь, когда её ноги наконец-то обрели былую силу и она способна ходить сама, ей, конечно же, всё вокруг видится по-новому. Сестрица как-то делилась со мной, что с самого раннего детства страстно мечтала оседлать скакуна, да только жестокая судьба так и не подарила ей подобного шанса. И раз уж теперь

перед ней открылась эта благословенная возможность, пускай попробует свои силы. Я всё сделаю, но гарантирую её священную безопасность, тебе не о чем беспокоиться.

Взирая на то, с какой кристальной искренностью чеканит слова Чжэнь Вэньцзюнь, Сяохуа пристально всмотрелась в её лицо:

- Ты... ты словно совершенно переродилась и стала иной.

Вот как? - мысленно усмехнулась Чжэнь Вэньцзюнь, подумав про себя: Уж чья бы корова мычала, ты-то сама всякий раз кажешься мне совершенно другим человеком.

- Когда наша молодая госпожа была совсем юной, она больше всего на свете мечтала о том, как станет великим генералом Поднебесной и на боевом коне будет безжалостно разить врагов на передовой, - Сяохуа в этот раз не поспешила сразу уйти вон, а медленно подошла ближе, ласково поглаживая Сяосюэ по лоснящейся гриве. - Этот жеребец прямой потомок легендарного скакуна по кличке "Фэйянь", и на всём подлунном свете больше нет коней подобной чистой породы. В своё время молодая госпожа не просто выложила за него баснословное богатство, она на протяжении двух долгих лет неотступным шлейфом следовала за его прежним хозяином, пока своей кристальной искренностью и упорством окончательно не растопила сердце старика. Тот уже стоял на пороге могилы, оттого и согласился уступить ей сокровище. Молодая госпожа лично, со всей чуткостью выхаживала жеребца с малых лет, отдавая ему всё самое лучшее, что только было в закромах поместья. И пусть из-за покалеченных ног ей самой не дано было сесть в его седло, она лелеяла и оберегала этого коня пуще зеницы ока. И я в самых дерзких мыслях не могла вообразить, что в один прекрасный день она без малейшего сожаления согласится подарить Юньчжун Фэйсюэ именно тебе.

Чжэнь Вэньцзюнь чутким разумом шпиона явственно уловила, к какому именно потайному выводу клонит её собеседница.

- Наша молодая госпожа относится к тебе совершенно иначе, нежели ко всем остальным мужам и барышням вселенной, - тихо продолжила Сяохуа. - Сестрица Линби покинула этот мир, и теперь у госпожи на всей этой бесконечной земле остались лишь мы с тобой. Прежде я выказывала к твоему существу глубокую враждебность и холодную злобу, ведь твоё внезапное появление в Жунине в момент кризиса было излишне ювелирным совпадением, что не позволяло мне слепо уверовать в твою праведность. Однако, пройдя вместе через горнило стольких смертельных испытаний, я воочию убедилась, что ради покоя и жизни молодой госпожи Вэй ты способна без секундных колебаний расстаться с собственной жизнью. Раз вы с нашей госпожой делите сокровенные клятвы и зовёте друг друга названными сёстрами, то отныне и ты по закону чести являешься моей верховной госпожой. С сегодняшнего дня ваша покорная служанка обязуется со всем усердием, искренностью и преданностью оберегать вас обеих. Прошу молодую госпожу принять мой ничтожный земной поклон.

Стоило словам сорваться с её уст, как Сяохуа без лишних церемоний плавно опустилась на колени и со всей покорностью отвесила Чжэнь Вэньцзюнь глубокий, уважительный поклон, коснувшись лбом пола.

– Да что ты вытворяешь?! А ну-ка живо поднимайся! – Чжэнь Вэньцзюнь в панике мигом подскочила к ней, силой увлекая телохранительницу под локти вверх. – Сестрица в своё время проявила ко мне величайшую милость, распознав мои скрытые таланты, когда я была лишь безызвестной сиротой. Не протяни она мне тогда руку помощи, я бы и по сей день влачила жалкое существование, скитаясь по дорогам Поднебесной вместе с нищим бродячим театром. Откуда бы у меня тогда взялся шанс повести отряды в карательный поход на северные рубежи и покрыть своё имя славой в битвах за родину? Да я бы и в самых сладких снах не смела грезить о том, что стану хозяином Сяосюэ и буду жить в столь роскошных поместьях! Абсолютно всё, чем я владею сегодня – это священный дар из рук сестрицы Тинсуй, и то, что я готова отдать ради её покоя всё своё существо без остатка, вещь совершенно естественная и праведная. Сяохуа... в прошлые годы я была излишне глупой, наивной и незрелой особой, совершив немало дерзких и опрометчивых глупостей, так что ты лучше не запоминай мои былые промахи. И брось ты эти рабские речи, не за чем величать себя служанкой да рабыней передо мной! Отныне зови меня просто Вэньцзюнь, а я, как и прежде, буду называть тебя Сяохуа. С сегодняшнего дня мы станем рука об руку, единым фронтом продвигаться вперёд, усердно исполняя любые тайные поручения нашей сестрицы! К тому же я всё ещё с нетерпением жду, когда ты продолжишь обучать меня высшей школе боевых искусств.

Чжэнь Вэньцзюнь и Сяохуа пристально посмотрели друг другу в глаза и одновременно, мягко улыбнулись. Между их душами и прежде не было никакой кровной, непреодолимой вражды, а теперь, когда их маленькая фракция лишилась столь дорогого боевого товарища, обе девушки со всей ясностью осознали простую истину: на этом свете есть вещи куда более важные, нежели пустые ссоры и глупые обиды. И вещь эта заключалась в том, чтобы просто сберечь друг друга и остаться в живых.

Благословенные дни ясной и прохладной осени уже подходили к своему концу. Вся земля в охотничьих угодьях покрылась плотным слоем сухой увядшей листвы. Это заметно расширяло обзор, позволяя кристально чётко разглядеть, в каком именно перелеске затаилась дичь.

Вэй Тинсуй прибыла на охоту в сопровождении чуть более десятка личных стражей. Весь путь до угодий она проделала внутри повозки, однако едва экипаж замер на опушке, она выказала нетерпеливое, страстное желание немедленно сесть в седло.

Чжэнь Вэньцзюнь с величайшей осторожностью помогла ей сойти с подножки экипажа, подвела под уздцы Сяосюэ и приготовилась руками подхватить Вэй Тинсуй под бёдра, чтобы посадить её. Однако советница упрямо настояла на том, что вскарабкается сама. Чжэнь Вэньцзюнь оставалось лишь бдительно дежурить у стремени, контролируя её движения. Вэй Тинсуй безупречно зафиксировала подошву сапога в стремени и мёртвой хваткой натянула поводья. Вся её траектория посадки была ювелирно точной, и будь в её ногах и пояснице былая сила, она бы взлетела на коня в одно лёгкое движение. Вот только, пускай разум её во всех деталях знал, как совершить этот тактический манёвр, физических сил в её израненном теле до сих пор катастрофически не хватало. Едва приподняв корпус, она на полпути полностью выбилась из сил, её руки и колени судорожно задрожали, и она в полном оцепенении на секунду зависла в воздухе.

Абсолютно все телохранители в толпе с замиранием сердца созерцали эту картину, готовясь коршунами броситься вперёд ради спасения госпожи. Сяохуа, заметив, что тело советницы покачнулось и она вот-вот с глухим стуком рухнет навзничь на землю, одним молниеносным

рывком ринулась к стремени, намереваясь подхватить её на руки.

– Стой, – Чжэнь Вэньцзюнь жёстким взмахом руки преградила ей путь.

Она застыла у самого бока жеребца, не сводя с Вэй Тинсуй хищного, сосредоточенного взора шпиона. Стоило госпоже выказать хоть малейший намёк на падение с коня, и она бы в ту же долю секунды сама бережно поймала её тело, не позволив советнице получить ни единой царапины.

Всё нежное, белоснежное лицо Вэй Тинсуй залилось густым, пунцовым румянцем от бешеного напряжения. Крепко сжимая кожаные поводья, она ни за что во вселенной не согласилась бы расписаться в собственной беспомощности и позорно отступить. Сцепив зубы, она мощным замахом корпуса перебросила ногу через круп и, слегка завалившись на бок, всё же опустилась на мягкое сиденье походного седла.

Чжэнь Вэньцзюнь звонко, победно расхохоталась и одним невероятным, лёгким прыжком сама взлетела в седло, устраиваясь прямо позади Вэй Тинсуй. Её длинные, сильные руки ласково обогнули талию госпожи, надёжно и крепко заключая ту в объятия, пальцы мёртвой хваткой перехватили поводья, а пятки с силой вонзились в бока Сяосюэ. Белый жеребец стрелой сорвался с места, буквально растворяясь в воздухе. Перепуганная Сяохуа успела лишь истошно выкрикнуть вслед: «Потише!..», да только окончание этой фразы полностью потонуло в грохоте копыт, Чжэнь Вэньцзюнь во главе конного клина уже унеслась вместе с Вэй Тинсуй в самую непроглядную глубь лесной чащи.

Телохранительница, не в силах выносить эту её безумную кавалерийскую беспечность, мигом вскочила на собственного коня и вместе со всем отрядом стражей помчалась по их следу.

Чжэнь Вэньцзюнь гнала жеребца во всю прыть. Посреди этого бешеного, молниеносного полёта Вэй Тинсуй вопреки всему не ощущала в своей душе ни малейшей капли призрачного страха. И пусть седло под ними изрядно покачивалось, а каждый аллюр скакуна отзывался непрерывной, жёсткой тряской в её израненном позвоночнике, эту муку она способна была вынести без единого стога. Куда более важным и священным для неё было то, что Чжэнь Вэньцзюнь мёртвой хваткой прижимала её тело к себе, даря ей абсолютное чувство нерушимой безопасности.

– Сестрица! Доверяешь ли ты мне?! – прямо над её ухом раздался звонкий, захлёбывающийся от неистового восторга крик Чжэнь Вэньцзюнь.

Заразившись этим её диким, первобытным боевым азартом воина, Вэй Тинсуй тоже во всеуслышание повысила голос, выкрикнув в ответ:

– Я доверяю тебе!

– Отлично! Тогда держись крепче, мы переходим на максимальную скорость! – Чжэнь

Вэньцзюнь ещё сильнее сжала руки, превращая свои объятия в монолитный щит вокруг её хрупкого тела, и во весь опор пустила коня галопом.

Порывы ледяного осеннего ветра с размаху били Вэй Тинсюй в лицо, а горячий пот в кратчайшие сроки насквозь пропитал шёлковую ткань на её спине.

В эти минуты Вэй Тинсюй походила на новорождённого младенца, который под надёжной, ласковой и абсолютной защитой Чжэнь Вэньцзюнь всем своим существом, жадно и без остатка впитывал в себя это неземное, пьянящее упоение от бешеного кавалерийского бега на выживание.

То был чистый, безудержный и благодатный восторг триумфа их тел.

<http://bllate.org/book/17227/1866510>